

18+

РОМАН ЛИТВИНЦЕВ
ТЕНЬ ДРАКУЛЫ НАД МОСКОВОЙ

Роман Литвинцев

Тень Дракулы над Москвией

«Издательские решения»

Литвинцев Р.

Тень Дракулы над Москвией / Р. Литвинцев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-685616-5

Перед вами — книга, в которой переплелись эхо давних легенд и отголоски подлинных исторических событий. В её основе — многогранный образ Влада Цепеша, окутанный мрачными преданиями и противоречивыми свидетельствами эпохи. Особое внимание уделено распространению так называемой «ереси жидовствующих» — духовного движения, бросившего вызов устоям Русской православной церкви. Через взаимодействие этих линий — балканской легенды и московского церковного раскола — раскрывается драма эпохи.

ISBN 978-5-00-685616-5

© Литвинцев Р.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Пришествие незримого врага	7
Прибытие	9
Тайные покои	11
Союз тьмы	12
Кровавые оргии	14
Москва, 1484 год	16
Дорога в неведомую тьму	18
Монастырь Снагов: врата в бездну	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Тень Дракулы над Москвией

Роман Литвинцев

© Роман Литвинцев, 2025

ISBN 978-5-0068-5616-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Перед вами – книга, в которой переплелись эхо давних легенд и отголоски подлинных исторических событий. В её основе – многогранный образ Влада Цепеша, окутанный мрачными преданиями и противоречивыми свидетельствами эпохи.

Особое место в повествовании занимает «Сказание о Дракуле воеводе», созданное дипломатом и писателем Фёдором Курицыным. В нашей книге представлен вариант этого памятника древнерусской литературы, дошедший до нас в переработке иеромонаха Ефросия. Именно через призму этого текста читатель сможет прикоснуться к своеобразному взгляду XV века на личность валашского правителя – его жестокость, мудрость и парадоксальную справедливость.

Однако история Дракулы в книге – не изолированный сюжет. Она вплетена в сложный узор политических и религиозных потрясений Московской Руси.

Особое внимание уделено распространению так называемой «ереси жидовствующих» – духовного движения, бросившего вызов устоям Русской православной церкви. Через взаимодействие этих линий – балканской легенды и московского церковного раскола – раскрывается драма эпохи, где вера, власть и человеческая природа сталкиваются в непримиримом противостоянии.

Эта книга – не просто пересказ известных источников. Это попытка воссоздать атмосферу времени, когда слухи становились историей, а история – мифом. Приглашаем вас в путешествие сквозь века, где правда и вымысел сплетены воедино, а прошлое продолжает говорить с нами через страницы древних рукописей.

Пришествие незримого врага

Осень 1471 года. Туман, густой и липкий, как прокисшее молоко, окутал Новгород. В этот день в городские ворота въехала небольшая свита киевского князя Михаила. Среди придворных затерялся неприметный человек – врач Захария бен Аарон га-Коген, или попросту Схария.

Он не привлекал внимания: худощавый, с тихим голосом и глазами, будто затянутыми пеленой. Но в его походке, в едва уловимых жестах читалась холодная уверенность человека, знающего цену времени.

В первый же вечер он остановился у старого колодца на окраине города. Вынул из-за пазухи медный сосуд, прошептал что-то на языке, от которого у случайных свидетелей стыла кровь в жилах, и вылил содержимое в воду.

– Пусть корни прорастут, – прошептал он. – Пусть семя даст ростки.

Схария начал с малого – с бесед в тихих домах, где свечи горели за плотно зашторенными окнами. Его слушатели – образованные священники, уставшие от церковной рутины, купцы, жадные до новых знаний, бояре, мечтающие о власти.

На одном из собраний, в подвале дома богатого торговца, он произнёс:

– Почему вы поклоняетесь доскам, покрытым красками? Разве не сказано: «Не сотвори себе кумира»?

Один из священников, отец Иларион, возразил:

– Иконы – окно в мир духовный. Они ведут нас к Богу.

Схария улыбнулся – улыбкой, от которой у присутствующих похолодело в груди.

– А если это окно ведёт не к свету, а во тьму? Что, если те, кого вы зовёте святыми, – лишь маски для иных сущностей?

В комнате повисла тишина. Лишь пламя свечей дрогнуло, будто от сквозняка из иного мира.

Организация еретиков была выстроена с дьявольской точностью.

– Каждая пятёрка знает только своего руководителя, – объяснял Схария на тайном собрании в заброшенной часовне. – Руководитель – только тех, кто выше. Так никто не сможет выдать всех.

Иногда в «пятёрки» вовлекали и семьи – жён, братьев, детей. Так сеть разрасталась, проникая в самые неожиданные уголки.

Один из помощников Схарии, прибывший из Литвы, произнёс:

– В Москве уже готовы. Курицын ждёт знака.

Схария кивнул:

– Время пришло. Пусть начнётся посев.

В Москве Фёдор Курицын, посольский дьяк и человек, близкий к государю Ивану III, уже готовил почву.

В разговоре с митрополитом Зосимой он намекал:

– Ваше святейшество, разве не стоит пересмотреть некоторые догмы? Мир меняется. Русь должна идти в ногу со временем.

Зосима, обычно твёрдый в вере, теперь колебался. Его глаза, прежде ясные, стали мутными, будто затуманенными.

– Возможно... – пробормотал он. – Возможно, мы слишком строго следуем старым правилам.

Курицын улыбнулся – и в этой улыбке не было ничего человеческого.

Суть учения Схарии заключалась в трёх постулатах: Христос – не Бог, а лишь мудрый учитель, чьи слова исказили последователи. Церковь – не святая, а лишь инструмент власти,

использующий страх и невежество. Обряды, иконы, литургии – пустое суеверие, отвлекающее от истинного знания.

На тайных собраниях читали запретные книги – тексты, переписанные на пергаменте, от которого исходил сладковатый запах разложения. В них говорилось о силах, что правят миром, о звёздах, что диктуют судьбы, о том, что Бог иудеев – не творец, а тиран.

Один из еретиков, молодой дьяк из боярского рода, спросил:

– Но если всё это ложь, то кто же тогда правит миром?

Схария поднял глаза к потолку, где тени от свечей складывались в странные знаки.

– Те, кто был изгнан, но вернётся. Те, кто ждал тысячелетия. И скоро их час настанет.

Иосиф Волоцкий, игумен Волоколамского монастыря, чувствовал приближение беды. В своих покоях, освещённых лишь лампадой у иконы Богородицы, он писал: «В то время жил в городе Киеве жид по имени Схария, и был он орудием диавола – был он обучен всякому злодейскому изобретению: чародейству и чернокнижию, звездочётству и астрологии. И привлёк он к себе многих, и развратил их умом, и отвратил их от истинной веры». Он требовал от великого князя решительных мер:

– Государь, – говорил он Ивану III, – если не остановить их сейчас, завтра они будут править нами. Это не просто ересь – это война против самой души Руси.

Иван III слушал, но в его глазах читалась неуверенность.

– Ты говоришь о заговоре, но где доказательства?

– Доказательства – в сердцах тех, кто уже пал. В словах, что шепчутся в темноте. В знамениях, которые вы не хотите видеть.

За закрытыми дверями, в подвалах, где стены были покрыты странными символами, Схария и его последователи строили планы: Переселение гонимых из Европы евреев и цыган в русские земли. Внедрение своих людей в ключевые структуры власти. Подрыв авторитета Церкви через распространение сомнений. Подготовка почвы для нового порядка, где старые боги будут забыты, а новые владыки – те, кто знает истину.

Один из приближённых ересиарха Схарии Денис произнёс:

– Когда последний колокол отзовется над Русью, мы поднимем наши знамёна. И тогда никто не сможет остановить нас.

Схария кивнул, глядя в окно, где за тучами скрывалась луна – бледная, как лицо мертвеца.

Зимой 1487 года в Кремле шепчутся:

– Курицын снова был у государя. Они говорили долго.

– Митрополит Зосима отменил службу в честь Успения. Почему?

– В Новгороде сожгли иконы. Кто дал приказ?

Вопросы множились, но ответов не было.

Только ветер, гуляющий по пустым улицам, шептал что-то на забытом языке.

А где-то в глубине тайных подвалов, за запертыми дверями, шелестели страницы запретных книг. И тени от свечей, дрожащих на сквозняке, складывались в странные знаки – то ли буквы, то ли предзнаменования.

Прибытие

В морозный день 1483 года Москва словно замерла в ледяном оцепенении. Небо, затянутое свинцовыми тучами, давило на древние стены Кремля, а ветер, пробираясь сквозь узкие улочки, выл, будто потерянная душа. Колокола Ивана Великого гудели низко и протяжно – не празднично, как подобает в день торжества, а глухо, словно отпевая неведомую жертву.

На рассвете, когда первые бледные лучи солнца едва пробивались сквозь тьму, у Спасских ворот остановилась карета. Её тянули четыре вороных коня, их дыхание вырывалось белыми клубами, а гривы, покрытые инеем, казались сотканными из ночного мрака. Дверца распахнулась, и из недр экипажа ступила женщина.

Высокая, с фигурой, словно выточенной из чёрного мрамора, она двигалась с неспешной грацией хищной птицы. Её глаза, цвета тёмного мёда, пронизывали насквозь, а улыбка, едва тронувшая тонкие губы, заставляла сердца встречавших сжиматься от необъяснимого ужаса.

– Елена Стефановна, дочь господаря Стефана Молдавского, – провозгласил гонец, но голос его дрогнул, и в нём не было ни капли торжественности. Лишь страх, глухой и всепоглощающий, словно он объявлял не невесту, а предвестницу беды.

В Кремле, где уже пылали сотни свечей, создавая иллюзию тепла, бояре перешёптывались, пряча взгляды за высокими кубками.

– Видали, как она смотрит? – прошептал один, нервно сжимая рукоять ножа. – Не похристиански это. В глазах её – тьма, будто сама преисподняя глядит на нас.

– А перстни её... – вторил другой, косясь на изящные пальцы Елены. – С чёрными камнями. Говорят, в них заключены духи, древние и злобные. Она их кормит своей кровью, чтобы они служили ей.

Елена, восседая рядом с молодым Иваном Молодым, почти не притрагивалась к яствам. Её бледные пальцы, украшенные кольцами с выгравированными знаками – не крестами, а перевернутыми звёздами, – лишь изредка касались кубка с густым красным вином. Оно отливало в свете свечей цветом запёкшейся крови.

– Почему ты не ешь, возлюбленная? – тихо спросил Иван, наклоняясь к ней. Его голос дрогнул, словно он боялся услышать ответ.

Елена медленно повернула голову. Её взгляд, пронизывающий, как ледяной ветер, заставил князя вздрогнуть.

– О, мой господин, – её голос звучал мягко, но в нём слышался отдалённый звон погребальных колоколов. – Я не нуждаюсь в земной пище. Моё питание – тайны, что скрыты в тенях, и силы, что спят в камнях.

Иван сглотнул, пытаясь скрыть тревогу, очарованный невестой ангельской красоты.

– Ты говоришь загадками, Елена. Это не подобает христианской жене.

Она улыбнулась, и в этой улыбке не было ни тепла, ни любви.

– Христианская жена... – прошептала она, проводя пальцем по краю кубка. – А что, если я – нечто большее? Что, если мой род тянется сквозь века, к истокам, которые ваш Бог предпочёл забыть?

Бояре, уловив обрывки их разговора, переглянулись с ещё большим ужасом. Один из них, старый воевода, прошептал, обращаясь к соседу:

– Слышишь? Она говорит о забытых богах. Это не к добру. Униаты принесли в наши земли чуждые верования, и вот – их семя прорастает в нашем Кремле.

Другой, крестясь, ответил:

– Молим Господа, чтобы он защитил нас от её чар. Говорят, она знает язык мёртвых и может вызывать тени из могил.

Тем временем Елена подняла кубок, и вино в нём заиграло багровыми отблесками, словно живое.

– За наш союз, Ваня, – произнесла она, и её голос эхом разнёсся по залу, будто шепот из иного мира. – За союз, что соединит не только наши души, но и силы наших государств, спящие в глубинах веков.

Когда она поднесла кубок к губам, в зале на мгновение воцарилась мёртвая тишина. Лишь треск свечей и отдалённый вой ветра нарушали её. А потом, словно по команде, все присутствующие почувствовали, как холод пробирает их до костей, будто сама тьма, скрытая в глазах Елены, наконец-то нашла путь в их души.

Тайные покои

Через месяц после свадьбы, когда первые морозы сковали Москву ледяным панцирем, в дальних покоях дворца глухо захлопнулась дверь – будто сама тьма шагнула внутрь и запечатала проход. Тяжёлые бархатные портьеры, почерневшие от времени, сомкнулись, отрезав эту часть дворца от остального мира. Там, в сумраке, пронизанном дрожащим светом редких свечей, Елена устроила свою обитель.

Её служанки – бледные девушки с потухшими глазами, словно выцветшими от постоянного пребывания в полумраке, – день за днём сносили в покои странные предметы. Чёрные свечи, отлитые будто из застывшей ночи; пучки сушёных трав, от которых шёл терпкий, душный запах, напоминающий о забытых кладбищах; клетки с живыми птицами, чьи испуганные глаза отражали дрожащий свет.

Однажды одна из служанок, самая молодая, с дрожащими губами и вцепившимися в подол руками, осмелилась задать вопрос:

– Госпожа... зачем это? Что вы собираетесь делать с ними?

Елена, стоявшая у массивного стола, заваленного древними фолиантами и странными инструментами, медленно обернулась. В полумраке её глаза сверкнули нечеловеческим светом – словно два уголька из иного мира. Она сделала шаг вперёд, и тень её, искажённая пламенем свечей, растянулась по стене, будто крылья неведомого существа.

– Чтобы видеть, – её голос звучал низко, с едва уловимым эхом, будто говорили не одни уста. – Чтобы знать. Чтобы править.

Служанка попятилась, но Елена уже отвернулась, возвращаясь к своему занятию. Её тонкие пальцы, украшенные кольцами с перевёрнутыми звёздами, скользнули по страницам раскрытой книги. Буквы на пергаменте казались живыми – они шевелились, меняли форму, складываясь в узоры, от которых рябило в глазах.

По ночам из покоев доносились странные звуки, пробирающие до костей. Монотонный напев на неведомом языке, слова которого будто царапали слух, заставляя кровь стынуть в жилах. Стук костей, ритмичный, как биение сердца преисподней. Крик петуха, внезапно обрывающийся – словно его перерезали острым лезвием тишины.

Однажды поздно вечером повар, задержавшийся на кухне, чтобы проверить готовность завтрашних яств, услышал шорох в коридоре. Он выглянул и увидел двух служанок, несущие в покои Елены массивную чашу. От неё поднимался густой пар, наполняя воздух сладковато-приторным запахом.

Повар замер, притаившись в тени. Служанки прошли мимо, и в тот миг, когда чаша оказалась в полосе лунного света, пробивающегося сквозь узкое окно, он разглядел сквозь пар что-то... розовое. Что-то, напоминающее плоть, едва различимое в колышущемся тумане.

Его сердце сжалось от ужаса. Он хотел отвернуться, но ноги словно приросли к месту. В следующий момент пар рассеялся, и он увидел – или ему показалось? – очертания маленького лица, искажённого нечеловеческой мукой.

Повар бросился прочь, не разбирая дороги, и лишь в безопасности своей каморки осмелился перевести дух. Он знал: то, что он видел, нельзя рассказывать. Иначе тьма, поселившаяся в дальних покоях, найдёт и его.

А в это время в обители Елены, за тяжёлыми портьерами, монотонный напев продолжался. Слова сплетались в узор, невидимый глазу, но ощутимый кожей – как прикосновение ледяных пальцев к затылку. И где-то в глубине дворца, в самых потаённых уголках, просыпались древние силы, давно забытые, но не умершие. Они ждали. Ждали, когда их госпожа откроет врата.

Союз тьмы

В ту зловещую зиму, когда мороз сковал Москву ледяными оковами, а туман по утрам стелился по улицам, словно дым от потухших погребальных костров, во дворец незаметно проник Фёдор Курицын – опальный дьяк, чьё имя уже давно шепталось в тёмных углах с придыханием и страхом, с недавних пор стал желанным гостем в Кремле и другом государя.

Его появление не сопровождалось ни торжественными звонами, ни пышными встречами. Он скользнул сквозь боковые ворота, закутанный в чёрный плащ, будто сама тень решила обрести плоть. С его приходом что-то изменилось во дворце: коридоры, и прежде мрачные, стали казаться длиннее, а углы – глубже. Тени, прежде послушные свету свечей, теперь словно жили своей жизнью, вытягиваясь и извиваясь, когда никто смотрел в их сторону.

Сны обитателей дворца превратились в череду кошмарных видений. Боярыни просыпались с криком, уверяя, что видели в темноте фигуры с пустыми глазницами. Стражники, дежурившие у покоев, клялись, что слышали шёпот за спиной – слова на языке, от которого кровь стыла в жилах.

В полночь, когда часы на башне пробили тринадцать ударов (хотя все знали, что их механизм рассчитан лишь на двенадцать), Курицын и Елена встречались в её обители. Тяжёлые портьеры были плотно задернуты, а единственный свет исходил от чёрных свечей, пламя которых не колебалось, несмотря на сквозняки, гуляющие по дворцу.

На массивном дубовом столе, покрытом выцветшим бархатом, лежал пергамент. На нём была начертана пентаграмма, линии которой пульсировали, будто живые. В центре символа виднелся свежий кровавый след.

Курицын, склонившись над пергаментом, провёл длинным бледным пальцем по алой линии. Его глаза, тёмные и бездонные, отражали пламя свечей, но не согревались им.

– Ты принесла жертву? – его голос звучал тихо, но проникал в самое сознание, заставляя стены дрожать.

Елена, восседавшая в резном кресле, словно королева забытого царства, медленно подняла взгляд. Её глаза в полумраке сверкали янтарным огнём, а улыбка была острой, как лезвие.

– Трёх голубей и одну девственницу, – ответила она. Её голос напоминал шелест змеиной кожи по каменным плитам. – Но этого мало. Нужно больше крови. Больше страха.

Курицын выпрямился, и его тень на стене выросла, превратившись в силуэт с раскинутыми крыльями.

– Москва должна стать новым Вавилоном, – прошептал он, и каждое слово эхом разносилось по комнате, проникая сквозь щели в дверях и окнах. – Где вера – лишь маска, а истинная сила – в знании запретного. Где каждый камень будет пропитан древней магией, а души – подчинены воле тех, кто осмелился заглянуть за грань.

Елена поднялась, её длинные пальцы с кольцами, украшенными перевёрнутыми звёздами, скользнули по краю стола. Она сделала шаг к Курицыну, и их тени слились воедино, образовав чудовищную фигуру с множеством рук и глаз.

Они рассмеялись – не человеческим смехом, а звуком, похожим на скрежет металла по кости. Этот смех эхом разнёсся по пустым залам дворца, проникая в самые потаённые уголки. Собаки во дворе взвыли, рвась с цепей, а вороны, сидевшие на крышах, взлетели в чёрное небо, крича так, будто предупреждали мир о надвигающейся тьме.

В это время в дальних покоях, за семью замками и печатями, что-то зашевелилось. Древние фолианты, спрятанные в тайнике, начали переворачивать страницы сами по себе, а символы на их обложках засветились багровым светом. Силы, давно спящие, пробуждались, откликаясь на зов своих новых повелителей.

А за окном, в морозной тьме, тысячи глаз наблюдали за дворцом – глаза тех, кто ждал своего часа, чтобы выйти на свет и заявить о своём праве на этот мир.

Кровавые оргии

В ночь на Ивана Купалу, когда за стенами Кремля весёлые огни народных костров пронзали тьму, а воздух наполнялся звоном девичьих песен и ароматом свежескошенной травы, в дальних покоях дворца царила иная реальность. Здесь, за плотно зашторенными окнами, где не проникал ни единый отблеск праздничного пламени, разворачивалось действо, от которого сама земля содрогалась в безмолвном ужасе.

Служанки – бледные, словно выцветшие тени, – были облачены в белые рубахи, но ткань их пропиталась кровью, превратившись в жуткую парчу с багровыми разводами. Они двигались по кругу, образуя хоровод вокруг древнего алтаря, высеченного из чёрного камня. На его поверхности, покрытой странными руническими знаками, стоял массивный сосуд из потускневшей бронзы. Внутри бурлила вязкая жидкость, испускающая пар с приторным запахом разложения. В кипящей массе плавали человеческие глаза, пожелтевшие зубы и обрывки пергамента с молитвами, чьи святыя слова искажались, будто их терзали невидимые когти.

В центре этого кошмара восседала Елена. Её одеяние из чёрного шёлка струилось, словно живая тьма, а в руках она держала ритуальный нож – клинок из потемневшего металла, украшенный гравировкой в виде извивающейся змеи. Глаза её светились янтарным огнём, а губы изгибались в улыбке, от которой у самых стойких слуг подкашивались ноги.

– Кто готов отдать больше? – её голос звучал как шёпот могильных червей, проникая в самое сердце.

Одна из девушек – та, что стояла ближе всех к алтарю, – шагнула вперёд. Её глаза были пусты, словно их выжгли изнутри. Движения её были механическими, будто она подчинялась воле, не принадлежавшей ей.

– Я, – произнесла она безжизненно, протягивая бледную руку.

Елена подняла нож. Лезвие сверкнуло в свете чёрных свечей, и в тот миг, когда оно опустилось, комната содрогнулась. Кровь хлынула на пергамент, разбрызгиваясь алыми каплями, и буквы на нём вспыхнули багровым светом, словно раскалённые угли.

Рядом с Еленой стоял Фёдор Курицын. Его лицо, изборождённое глубокими морщинами, казалось маской древнего демона. Он начал читать нараспев, и каждое слово вырывалось из его уст, как ядовитый дым:

– Агла, Адонай, Саваоф... Да восстанет сила из пепла, да поглотит свет, да воцарится ночь!

Его голос нарастал, превращаясь в многоголосый хор, будто десятки невидимых существ вторили ему из глубин преисподней.

И в этот миг небеса разверзлись. Молния, ослепительно-белая, ударила прямо в окно покоев, разбивая стекло на тысячи осколков, похожих на застывшие крики. В тот же момент на стенах проступили тени – не людей, а чудовищ с крыльями, перепончатыми и рваными, с когтями, острыми как бритвы. Они шевелились, растягивались, словно пытались вырваться из плоскости камня, и их шёпот заполнил комнату, проникая в уши, как ледяные иглы:

– Мы здесь. Мы ждём.

Елена рассмеялась – звук был похож на скрежет металла по кости. Она подняла окровавленный нож, и капли крови, падая на алтарь, зашипели, словно кислота.

– Вы слышите их? – обратилась она к Курицыну, и её глаза вспыхнули ярче. – Они пришли. Теперь ничто не остановит нас.

Курицын склонил голову, и его тень на стене выросла, превратившись в силуэт с множеством рук, каждая из которых держала символы забытых культов.

– Москва станет вратами, – прошептал он. – И когда последний костёр Ивана Купалы догорит, тьма войдёт в свои права.

За окном, в ночи, вороны взлетели с крыш, крича так, будто оплакивали последний вздох света. А в глубине дворца, за семью замками, древние фолианты начали переворачивать страницы сами по себе, и символы на их обложках засветились багровым, словно глаза пробуждающихся богов.

Москва, 1484 год

В покоях великого князя Ивана III царил полумрак, пронизанный дрожащим светом свечей. Бронзовые подсвечники, словно древние стражи, держали в своих лапах огонь, отбрасывая на стены причудливые тени – то ли карты далёких земель, то ли зловещие знаки, проступающие из небытия. Воздух был густым, пропитанным запахом воска и старого пергамента, а где-то вдали, за толстыми стенами, доносился приглушённый гул ночного Кремля – будто стон уснувшего чудовища.

Иван III сидел в массивном кресле, вырезанном из чёрного дуба. Его фигура, окутанная тяжёлым бархатным плащом, казалась монолитом, слившимся с тьмой. Голос, когда он наконец заговорил, звучал глухо, словно из глубины колодца, откуда не доносится эхо:

– Фёдор, – каждое слово падало, как камень в бездну, – ты поедешь в Валахию и Трансильванию. Узнай, что за слухи ползут оттуда. О вампирах, о проклятых замках, о... нём.

Фёдор Курицын, стоявший у окна, медленно обернулся. Его лицо, изборождённое морщинами, в неверном свете свечей казалось маской древнего демона. Он склонил голову, но в глазах его тлел не страх, а любопытство – опасное, как лезвие бритвы.

– Государь, разве не сказки это? – его голос звучал тихо, но в нём слышалась нотка вызова.

Иван резко встал. Тень его, искажённая пламенем свечей, выросла до потолка, превратившись в силуэт с раскинутыми крыльями. Он шагнул вперёд, и в этот миг свечи дрогнули, будто испугались его гнева.

– Сказки? – его голос прокатился по комнате, заставляя дрожать стекла в оконных рамах. – В Бухаресте бояре шепчутся, что Дракула восстал из могилы. В Брашове купцы боятся выходить ночью – говорят, тени пьют кровь. Ты должен увидеть всё своими глазами.

Курицын сглотнул, но не отступил. Он знал: когда великий князь говорит таким тоном, спорить бесполезно. Вместо этого он спросил:

– А если это правда, государь? Что тогда?

Иван медленно опустился обратно в кресло. Его пальцы, украшенные тяжёлыми перстнями, сжали подлокотники, будто он пытался удержать саму реальность от распада.

– Тогда мы должны быть готовы. Если тьма действительно пробудилась, нам понадобится оружие, о котором никто не догадывается. Знания, что скрыты в древних текстах. Сила, что спит в крови.

Курицын кивнул, но в его взгляде мелькнуло что-то ещё – не страх, не покорность, а тёмный восторг. Он уже представлял себе эти земли: замки, чьи башни пронзают облака, леса, где деревья шепчут проклятия, и дороги, вымощенные костями забытых жертв.

– Я отправлюсь завтра, – произнёс он, и его голос дрогнул от предвкушения. – Но что искать? Какие знаки укажут мне путь?

Иван достал из-под кафтана свиток, перевязанный чёрной лентой. Он протянул его Курицыну, и в тот момент, когда пальцы дьяка коснулись пергамента, по комнате пронёсся ледяной ветер, хотя окна были плотно закрыты.

– Это карта, – сказал князь. – Она ведёт к замку, где, по слухам, хранится книга. Книга, в которой записаны имена тех, кто продал свои души тьме. Найди её. И если... если ты встретишь его, – голос Ивана на мгновение дрогнул, – запомни: он не человек. Он – тень, что жаждет плоти.

Курицын взял свиток. Его пальцы дрожали, но не от страха, а от возбуждения. Он знал: это путешествие изменит его. Возможно, навсегда.

– Я не подведу вас, государь, – прошептал он, прижимая свиток к груди. – Я найду правду. Даже если она убьёт меня.

Иван кивнул. В его глазах, холодных и бездонных, мелькнул отблеск чего-то древнего – то ли мудрости, то ли безумия.

– Помни, Фёдор: если тьма поглотит тебя, мы не сможем помочь. Но если ты вернёшься с тем, что нужно, мы изменим ход истории.

В этот миг за окном раздался протяжный вой – то ли волка, то ли чего-то иного, что давно не должно было существовать в этом мире. Свечи погасли, погрузив комнату в кромешную тьму. И лишь в глубине этого мрака, на мгновение, сверкнули два огонька – глаза Ивана III, горящие, как угли в печи преисподней.

Дорога в неведомую тьму

Осень 1484 года выдалась на редкость мрачной. Небо над Москвой висело низко, затянутое свинцовыми тучами, а дожди превратили дороги в вязкую жижу, словно сама земля сопротивлялась отъезду Фёдора Курицына. Но приказ великого князя был незыблем – и вот, в хмурое утро, когда туман стелился по земле, словно погребальный саван, посольство тронулось в путь.

Пятеро слуг, угрюмых и молчаливых, сопровождали дьяка. Два переводчика – один с ломаным валашским, другой с немецким, от которого разило пивом и чесноком, – ежились на козлах. Путь лежал через Литву, затем вдоль Карпатских гор, чьи вершины уже припорошило первым снегом.

В приграничных деревнях люди крестились при упоминании Трансильвании. Их глаза, полные суеверного ужаса, бегали, а руки непроизвольно сжимались в молитвенном жесте. В одном из селений, у подножия гор, посольство остановилось на ночлег в трактире, где стены были увешаны сушёными травами, а в углах прятались тени, будто живые существа.

Трактирщик, старик с лицом, изборождённым морщинами, как древняя карта проклятых земель, подошёл к Курицыну, едва тот переступил порог. Его голос звучал тихо, почти шёпотом, но в нём слышалась неподдельная тревога:

– Не ездите туда, господин. Там, за перевалом, земля проклята. Ночью выходят они – те, кто пьёт жизнь из спящих.

Курицын усмехнулся, и его улыбка в полумраке трактира показалась старику чем-то нечеловеческим.

– Ты веришь в сказки? – спросил он, поигрывая перстнем с тёмным камнем, который, казалось, поглощал свет.

Старик покачал головой, его глаза наполнились слезами.

– Я верю в то, что видел. Два месяца назад пропала моя дочь. Утром нашли её в поле – бледную, как снег, а на шее... следы зубов.

Он провёл пальцем по горлу, изображая рваные раны, и Курицын невольно вздрогнул, хотя тут же скрыл это за маской равнодушия.

– Всё это суеверия, – бросил он, отворачиваясь. – Тьма живёт лишь в умах тех, кто боится света.

Но в ту ночь, лёжа на жёсткой лавке в трактире, Курицын не мог уснуть. Ему чудились шорохи за стеной, шёпот на незнакомом языке и далёкий вой, похожий на плач потерянной души.

Бухарест встретил посольство туманом, густым и липким, словно пар от кипящего котла преисподней. Улицы были пустынные, дома – заколочены, а редкие фигуры в чёрных плащах спешили укрыться до заката, их тени растягивались, будто пытались убежать вперёд хозяев.

На аудиенции у воеводы Раду IV Курицын едва сдерживал дрожь. Не страх перед правителем – нет. Что-то иное, первобытное, шевелилось в глубине его души, словно тёмный инстинкт предупреждал: здесь всё не то, чем кажется.

Раду, молодой мужчина с лицом, ещё не тронутым годами, но с глазами старика, полными невысказанной боли, сидел на резном троне, окутанный тяжёлым бархатом. Его пальцы, украшенные кольцами с чёрными камнями, медленно постукивали по подлокотнику.

– Ваше высочество, великий князь Иван III шлёт вам привет и желает знать: правда ли, что земля ваша страдает от... нечистой силы? – произнёс Курицын, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Раду усмехнулся, и в этой улыбке не было ни капли веселья.

– Господин Курицын, вы верите в то, что видите. Но что, если мир – лишь тонкая завеса, а за ней... иное?

Он сделал знак слуге, и тот, склонившись, протянул Фёдору свиток, запечатанный воском с оттиском креста, перевитого змеей.

– Вот. Письмо от аббата монастыря Снагов. Он утверждает, что в склепе под алтарём... что-то шевелится.

Курицын взял свиток. Его пальцы дрогнули, когда он почувствовал, как пергамент пульсирует под кожей, будто живое сердце. Он разломил печать, развернул лист и увидел строки, написанные дрожащей рукой: «Святой отец, я пишу вам в час отчаяния. В склепе под нашим алтарём раздаются звуки – не человеческие, не звериные. Камни дрожат, а из трещин сочится чёрная влага, пахнущая разложением. Я слышал шёпот, зовущий меня по имени. Вчера ночью я спустился вниз и увидел... оно шевелится. Оно ждёт».

Курицын поднял глаза на Раду. В его взгляде теперь читался не вопрос, а осознание: сказки, в которые он не верил, оказались реальностью.

– Что вы намерены делать? – прошептал он.

Раду встал, его тень на стене выросла, превратившись в силуэт с раскинутыми крыльями.

– Мы молимся. Мы запираем двери. Мы ждём рассвета. Но если тьма не отступит... нам понадобится оружие, о котором никто не должен знать.

За окном, в тумане, раздался протяжный вой – то ли волка, то ли чего-то иного, что давно не должно было существовать в этом мире. И в этот миг Курицын понял: его путешествие только начинается.

Монастырь Снагов: врата в бездну

Дорога к монастырю Снагов тянулась сквозь дремучий лес, где вековые деревья сплелись кронами в непроницаемый свод. Солнечные лучи едва пробивались сквозь густую листву, рассыпаясь по земле рваными пятнами света, похожими на застывшие капли крови. Воздух стоял тяжёлый, пропитанный запахом прелой листвы и чего-то ещё – сладковатого, тошнотворного, будто где-то рядом разлагалось нечто огромное.

Лошади фыркали, натягивали поводья, отказываясь идти вперёд. Их глаза, налитые страхом, бегали, а бока покрылись испариной, хотя день выдался прохладным. Слуги перешёптывались, крестясь, а переводчики притихли, вжимая головы в плечи.

У ворот монастыря их встретил аббат – седобородый старец с лицом, изборождённым глубокими морщинами, словно карта забытых грехов. Его глаза, полные невысказанного ужаса, смотрели сквозь Курицына, будто видели за его спиной нечто невидимое.

– Вы пришли за правдой, – прошептал он, и голос его звучал как шелест сухих листьев по камням. – Но правда – как яд. Вы готовы её выпить?

Курицын сглотнул, но ответил твёрдо:

– Я послан великим князем Иваном III. Мы ищем истину, а не сказки для суеверных крестьян.

Аббат лишь покачал головой, развернулся и повёл их внутрь.

Склеп под алтарём встретил путников могильным холодом, от которого стыла кровь и запотевали стены. В воздухе висел запах сырости, плесени и чего-то ещё – металлического, острого. Факелы в руках слуг дрожали, отбрасывая на каменные стены тени, которые шевелились, будто пытались оторваться и уползти прочь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.